

Юнона Белова

ЗЕРКАЛО ЛЖЕЦА.
Любовь
ПРОТИВ ПРАВИЛ

Юнона Белова

**Зеркало лжеца.
Любовь против правил**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Зеркало лжеца. Любовь против правил / Ю. Белова — «Автор», 2026

Три года я писала пьесу, которая должна была открыть мне дорогу на большую сцену. Но Марк Дорн, красавец и сын ректора элитной академии, разорвал мою рукопись перед всем курсом. Теперь он требует мой личный дневник, угрожает отчислением и предлагает сделку: я стану его музой, а он сохранит стипендию. Откажусь — моя семья потеряет всё. Но однажды я обнаруживаю тайный архив. Поддельные дипломы, сломанные судьбы, украденные пьесы. За идеальным фасадом академии скрывается страшная правда. Марк уверен, что сможет заставить меня молчать. Только он забыл: я драматург. И теперь напишу пьесу, в которой его семья сыграет главные роли. Без права изменить финал.

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юнона Белова

Зеркало лжеца. Любовь против правил

Глава 1

В аудитории №4 опять не открыли окна. У стены пахло краской, на последнем ряду — нагретой пылью. Здесь даже шёпот долетал до кафедры, и я держала блокнот у груди, боясь, что услышат, как шелестят страницы в моих руках. Три года я работала над этой пьесой. Пока соседки спали или листали ленты, сидела с ноутбуком, считала сцены, переписывала диалоги. Ночей набралось на четыре тысячи часов. И вот сегодня предстояло объяснить, зачем всё это и почему единственную целевую стипендию для провинциалок дали именно мне.

Марк Дорн рисовал мелом схему пьесы. Декан назвал меня «надеждой курса», но Марк продолжал вести стрелку от третьего акта к первому. Я следила за его рукой, ожидая, когда он хотя бы повернётся. Ева Лунц сидела впереди и вертела золотое кольцо. Она могла назвать всех наших спонсоров по именам; про таких, как я, обычно спрашивала, кто нас сюда пустил.

— ...и тогда героиня понимает, что любовь — это не спасение, а клетка, — мой голос дрогнул на слове «клетка», но я продолжила, глядя в пол.

Ева фыркнула. Я узнала этот короткий смешок, даже не поднимая головы.

— Плагиат, — бросила она, не поднимая головы от телефона. — Чужие страдания в дешевой упаковке. Алина, ты хоть читала Верещагина? Или просто копировала чужую боль, потому что своей не хватает масштаба?

Кто-то перестал щёлкать ручкой. Теперь на последнем ряду стало так тихо, что я слышала своё дыхание. Спрятала руки под стол, сдвинула пальцы. Только бы не заплакать. Ева именно этого и ждала — достаточно посмотреть, как она уже повернулась ко мне в кресле.

— Это моя история, — тихо сказала я, подняв взгляд на Еву. — И я могу объяснить мотивацию каждого персонажа...

— Мотивация? — Марк резко развернулся. Подошёл к моему столу и остановился, не оставив места отодвинуть стул. От него пахло табаком; я смотрела на след мела у большого пальца, пока он говорил. — У твоего героя мать умерла в родах. А дата её смерти в третьем акте — за три дня до его рождения. Или ты путаешь хронологию, чтобы скрыть отсутствие логики?

Я собиралась объяснить, что время в драме может быть субъективным. Уже вдохнула, но под его взглядом это объяснение показалось до ужаса жалким. Три дня. Он нашёл три дня и теперь будет ждать, как долго я стану выкручиваться перед всем курсом.

— Это художественное решение, — выдавила я, чувствуя, как предательская волна жара поднимается от шеи к лицу.

Марк усмехнулся и посмотрел на стопку листов передо мной.

— Художественное решение? — Он протянул руку. — Давай сюда.

Протянула ему страницы: проще отдать, чем ещё раз услышать «давай». Его пальцы задели мои, и я резко убрала руку на колени. Он задержал взгляд на первой странице, на названии, которое я столько раз меняла. Потом взял её за края и разорвал пополам.

На колени упала половинка титульного листа. Я машинально придержала её, чтобы не сползла на пол. На ней оставались последние три буквы моей фамилии. Студенты молчали, и даже декан не сказал Марку остановиться.

— Грязь, — констатировал Марк, отбрасывая обрывки. Они легли у моих ног белыми пятнами. — Такая «грязь» недостойна сцены «Гелиоса». Объясни мне, Алина, почему ты вообще здесь сидишь? Почему академия должна тратить на тебя деньги?

Согнувшись над обрывками, я пыталась совместить рваные края. Стыд был такой, что смотреть на людей не хотелось, но уйти означало оставить листы у его ног. Подняла и нижний клочок. Вот так. Всё заберу. Запомню его лицо, запах табака, этот след мела. Однажды он попросит прочитать хоть строчку — и я заставлю его попросить ещё раз.

Занятие закончилось раньше срока. Декан что-то пробормотал и вышел, избегая взгляда Марка. Студенты начали собираться, старательно не глядя на меня. Ева хихикала, проходя мимо, и нарочно толкнула мой стул коленом.

— Удачи, грязь, — бросила она через плечо.

Последний студент вышел, а Марк остался у двери. Подняла сумку, шагнула к проходу. Он не посторонился. Пришлось остановиться и ждать, пока он договорит теперь уже без свидетелей.

— Ты думаешь, это случайность? — спросил он, останавливаясь вплотную. Я чувствовала тепло его тела, запах его одеколона — сандал и горечь. — Твои долги, твоя мать, которая пыталась играть в этом театре двадцать лет назад и стала посмешищем... Ты думаешь, ректор выбрал тебя из жалости?

Вцепилась в ремень сумки. Про маму я здесь старалась не говорить. Особенно о тех годах, когда она ещё верила, что её возьмут в театр.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ты понимаешь лучше, чем хочешь показать, — Марк понизил голос до интимного шепота, который эхом ударил по стенам. — Твоя стипендия держится на волоске. Один звонок отцу, одно слово о том, что ты фальшивишь в документах о доходах семьи... И ты окажешься на улице. Без диплома. Без ничего.

Марк положил ладонь мне на плечо. Захотелось сбросить её, но тогда он оказался бы ещё ближе: проход за ним был узкий. Я стояла, уставившись на дверную ручку, и ждала, когда он разрешит выйти.

— Завтра утром, — продолжил он, наклоняясь ближе к моему уху. Дыхание коснулось уха, и я сильнее прижала подбородок к воротнику. — Принеси мне свою дневниковую тетрадь. Ту самую, где ты пишешь обо мне. Обо всех. О своих мечтах и страхах.

— Зачем вам мои записи? — прошептала я, впервые за весь день встретившись с ним глазами. Он помолчал, не убирая ладонь с плеча.

Он улыбнулся, заметив, что я всё-таки смотрю ему в глаза. Лучше бы продолжал злиться.

— Чтобы знать, где тебя сломать, — ответил он. И убрав руку, шагнул в сторону, освобождая проход. — Жду завтра в восемь. Опоздание будет стоить тебе места.

В коридоре пришлось остановиться у стены. Как он узнал про дневник? Никому не давала его читать, даже имени Марка там избегала. Описывала, как он стоит на репетиции, что говорит, и думала: если фамилии нет, это ещё можно объяснить. Теперь такая осторожность казалась смешной.

Лев Соколов стоял у окна с раскрытым фолиантом по истории театра. Я знала его как тихого ассистента, сына актёра, о котором в «Гелиосе» не любили вспоминать. Он поднял голову раньше, чем я успела пройти мимо.

— Алина, — сказал он мягко. Его взгляд скользнул по моей щеке. Я провела по ней пальцами и увидела на коже чёрный след туши. — Ты в порядке?

Он вынул из кармана белый платок и протянул уголком вперёд, чтобы мне было удобно взять.

Мне нужен был этот платок. Щёку стягивало от туши, а в сумке наверняка опять не было салфеток. Но взять его означало остановиться, позволить Льву рассмотреть моё лицо и, возможно, спросить про аудиторию. Объяснять унижение ещё одному человеку я сейчас не могла.

— Не надо, — резко сказала я, отвернувшись.

Лев сложил платок обратно. Не стал тянуться ко мне второй раз или спрашивать, почему я огрызаюсь.

— Тогда будь осторожна, — добавил он, возвращаясь к книге. — Марк не просто играет. Он ставит ловушки для тех, кто думает, что может их обойти.

До туалета на третьем этаже добралась почти бегом. В кабинке села на закрытую крышку унитаза, прижала к себе сумку и только тогда всхлипнула. Дождалась, пока из соседней кабинки уйдут, прежде чем выйти к умывальнику. Вода оказалась совсем холодной; пришлось несколько раз ополоснуть лицо, чтобы оттереть тушь.

В зеркале остались чёрные полосы под глазами. Такой грим годился бы для несчастной героини. Я ещё раз провела мокрыми пальцами по щеке: сейчас меньше всего хотелось походить на роль, которую мне навязали.

Тетрадь лежала на дне сумки под обрывками пьесы. У кожаного переплёта давно стёрлись углы; на последней странице нашлись две строки, которые я написала вчера после репетиции. Даже здесь, у раковины, читать их было неловко.

«Он смотрит на меня так, будто хочет съесть. Но я чувствую, что он тоже голоден. Мы оба одиноки в этом замке.»

Он потребовал именно эту тетрадь. Значит, завтра прочтёт и такое. Я представила, как он произносит эти две строки вслух, и едва не вырвала страницу сама. Но остановилась: если начну прятать каждый стыдный для себя кусочек, от дневника ничего не останется. Пусть читает. Только при мне.

С закрытой тетрадью стало чуть легче. Убрала её в сумку отдельно от рукописи, в карман у спинки. Обрывки больше не цеплялись за переплёт.

Завтра сяду так, чтобы видеть, какую страницу он открывает. Если станет смеяться, спрошу, над чем именно. Если захочет оставить тетрадь себе — заберу. Пока это был весь мой план против человека, который одним звонком мог лишить меня учёбы. Но впервые за этот день у меня имелся хотя бы план.

Нашла салфетку в почти пустом держателе, вытерла лицо и пригладила мокрые волосы. До комнаты придётся идти мимо людей. Я подтянула ремень сумки, проверила, застёгнут ли карман с дневником, и вышла.

Глава 2

За стеллажом с энциклопедиями было пыльно и почти не слышно библиотекаря. Я выбрала этот стол ещё утром. Тетрадь лежала раскрытой: между заметками к пьесе — суммы маминих долгов, её слова по телефону, всё, что я боялась забыть или кому-то пересказать. Марку хватило бы любого разворота. Я никак не могла решить, с какого разрешить ему начать.

— Девушка, закрываемся, — голос библиотекаря был сухим, как пергамент. Он даже не посмотрел на меня. Только ткнул пальцем в часы над входом. — И вообще, стипендиатам лучше бы быть полезнее академии, чем просто сидеть тут, греясь об наши батареи.

«Полезнее». Я закрыла тетрадь. Неужели даже библиотекарь знает, кто учится на деньги академии? Дома мама спрашивала, поела ли я. Здесь всё чаще напоминали, сколько стою.

Ноги затекли, пока я сидела над страницами. До встречи оставался час. Утром я пришла к восьми, но Марка вызвали на совещание; секретарь велела зайти после вечернего «Гамлета». Весь день ушёл на то, чтобы выдержать эту отсрочку и не сбежать. Отдавать ему дневник по-прежнему не хотелось. Терять диплом, когда мама столько ради него сделала, — тоже.

У кулис после «Гамлета» толпились студенты. Перекрикивались, повторяли реплики, кто-то спорил о паузе во втором акте. Я шла вдоль стены, держа тетрадь под курткой: если увижу Еву, пусть хотя бы не разглядит, что несу Марку.

— Алина! — Ева Лунц возникла перед мной внезапно, словно призрак в дорогом кашемировом свитере. Её глаза блестели злым любопытством. Она специально повысила голос, чтобы слышали те, кто стоял рядом. — Ты чего такая бледная? Сбежала от своего нового друга-покровителя? Или это... — она понизила тон до шепота, который разносился по тишине коридора громче крика, — ...подстилка ректора уже готовит ему новую порцию грязи?

За Евой хихикнули. Парень у окна опустил глаза, девушка с папкой вдруг занялась молнией на сумке. Я ждала хотя бы «Ева, хватит», но никто не вмешался. Она уже улыбалась: ещё секунда, и я начну оправдываться.

Прижала тетрадь локтем к боку, чтобы не выронить. Мне хотелось спросить Еву, зачем ей это, что я успела у неё отнять. Но тогда пришлось бы остаться и выслушать ответ. Я обошла её и пошла к гримёрке.

— Ты куда?.. — долетело сзади.

Я не остановилась. Пусть спрашивает у тех, кому интересно. За этот короткий проход она впервые не получила ни моих слёз, ни объяснений, и от этого дышать стало легче.

В приоткрытую дверь гримёрки был виден стол под лампой. Марк разбирал реквизит: старые письма, связку засохших цветов. Я постучала по косяку. Он положил одно письмо поверх другого и только после этого заговорил.

— Быстро, — он отложил письма и посмотрел на тетрадь. — Или я набираю номер отца прямо сейчас.

Я вошла и оставила за спиной открытый проход. До его стола было два шага; сделала один, второй никак не получался. Пришлось разжать зубы, прежде чем смогла сказать то, что повторяла всю дорогу.

— Я напишу новую пьесу, — я запнулась, потом выговорила остальное. — Чистую. Без этих... личных моментов. Только прочти при мне и верни тетрадь. Я не оставляю её здесь.

Марк повернулся в кресле. Посмотрел на тетрадь у меня под курткой, потом на лицо. По его молчанию я поняла: никаких обещаний, пока не отдам.

Он вытянул руку ладонью вверх и держал её так долго, что я наконец достала тетрадь. В открытом дверном проёме прошёл кто-то из студентов. Позвать его было бы просто — если бы я знала, что именно сказать.

Тетрадь пришлось положить в его ладонь. Марк придержал переплёт второй рукой. Я ждала, что сразу откроет на самой личной странице, но он смотрел на мои пальцы. Они всё ещё были согнуты, словно я держала между ними корешок.

— Ты спала с ним? — тихо спросил он. Я оторопела и даже забыла отступить. — С тем преподавателем из прошлого курса? Тот, кого уволили за связь со студентками?

От этого вопроса мне захотелось отступить к двери. Что бы я ни ответила, он уже заставлял меня оправдываться за чужую историю. Стоять здесь и доказывать, что не спала с преподавателем, — этого ему мало после порванной пьесы?

Я перестала следить за тетрадью. Теперь смотрела на Марка, прямо в лицо. Слова нашлись быстрее, чем я успела испугаться звонка ректору.

— Мои чувства — не твоя игрушка, — процедила я, делая шаг назад, готовая выбежать в коридор, даже если это значит конец. Даже если завтра меня не будет в этой школе. — Забирай свою власть. Мне она не нужна.

Он усмехнулся, но продолжать про преподавателя не стал. Раскрыл тетрадь на одной из первых страниц. Я узнала свой старый почерк: тесные строчки, дата трёхлетней давности у края. Хотелось перевернуть лист, прежде чем он прочтёт.

«Страх одиночества страшнее смерти. Лучше быть одной среди людей, чем с людьми, которые тебя не видят».

Марк прочёл обе строки без насмешки. На слове «видят» задержался и поднял глаза. Вот этого я от него не ждала: лучше бы снова придирался к датам, тогда было бы понятно, как отвечать.

— Ты боишься быть невидимой, Алина, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Как я.

Невидимой. Я сама выбрала это слово и теперь злилась, что он его нашёл. Не ответила — слишком легко было признаться, а он и без того получил больше, чем имел право.

Он полистал дальше. На нужном развороте остановился: записи после репетиций, где я желала ему исчезнуть и мысленно отнимала у него право говорить. Имени там не было. Это ничего не спасало — Марк узнал себя.

— Эта часть тебе не нужна, — сказал он спокойно.

Лист затрещал у корешка. Я потянулась через стол слишком поздно: он уже держал страницу отдельно от тетради.

— Верни! — крик вырвался сам собой. Я попыталась схватить его за запястье, но он легко отдернул руку.

Марк поднёс зажигалку к нижнему уголку листа. Я успела прочитать начало одной строчки, прежде чем бумага загнулась от жара. Он держал её над пепельницей; когда пламя подобралось к пальцам, отпустил. Осталось чёрное кружево с красной кромкой. Я стояла слишком далеко, чтобы потушить его рукой.

— Ты не ненавидишь меня, — произнес он, не оборачиваясь. — Ты боишься, что я прав. Что система работает именно так.

Марк подвинул тетрадь ко мне. На месте листа торчала узкая рваная полоска. Взяла переплёт обеими руками и провела по ней пальцем. Эти слова я могла написать снова; ему не следовало видеть, как сильно хотелось заплакать.

— Вот сделка, которая глубже простого шантажа, — сказал он. Он подвинул к себе письма, освобождая место на столе, как перед обсуждением постановки. — Я оставляю долги твоей матери в тайне. Ректор никогда не узнает о твоих проблемах. Взамен ты станешь моей музой для новой постановки. Я хочу использовать твою боль. Твои страхи. Твою историю. Ты будешь материалом для моего успеха.

С тетрадью в руках я слушала условия. «Материал для моего успеха». Как удобно он это придумал: я сама расскажу, где больно, а он решит, что из этого годится на сцену. Переплёт прижала к груди, и он заметил это движение.

— Ты думаешь, я соглашусь быть марионеткой? — спросила я тихо.

Марк встал из-за стола. Мне пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо. Отодвинулась на полшага, но на этот раз он за мной не пошёл.

— Я знаю, каково это, — сказал он. Он смотрел на рваный край в моей тетради. — Мой отец тоже начинал с того, что ломал людей. Меня он сломал первым. Я был такой же «грязью», как ты, Алина. Только я проиграл.

Он достал из кармана тяжелый, старый ключ с биркой «Архив — Доступ ограничен». На обороте бирки был записан четырёхзначный код. Положил его поверх тетради. Холодный металл звякнул о бумагу.

— Там запрещенные тексты. Те, что не проходят цензуру деканата. Тексты, где правда звучит громче лжи. Если хочешь выжить здесь и остаться собой — бери. Напиши то, что они хотят скрыть. Докажи, что ты сильнее системы, которая держит нас обоих.

Его отец держал и его самого. От этой мысли мне стало не легче: сожжённую страницу она не возвращала. Но ключ открывал дверь, к которой меня прежде не подпускали. Я могла взять его, не соглашаясь быть ни музыкой, ни материалом.

Ключ лежал на обложке рядом с моей ладонью. Взяла его за зубцы, осторожно: тяжелее ключа от комнаты, с тёплой после его кармана головкой. Позже проверю, что он действительно открывает.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я, глядя на его профиль.

Он повернулся к столу и взял ручку. Я ещё ждала ответа, а Марк уже придвинул чистый лист. Дальше спрашивать означало остаться рядом по своей воле.

— Иди, — бросил он через плечо. — Режиссер ждет.

Я зажала тетрадь под мышкой и вышла. Дверь закрылась, но я всё ещё слышала, как за ней скрипит его кресло.

Ева смеялась где-то в конце коридора. Я узнала её голос и машинально прижала тетрадь крепче, затем выдохнула: дневник я всё-таки унесла. Она не знала ни про сожжённую страницу, ни про ключ. Пусть пока смеётся.

Перед тем как закрыть дверь, я успела увидеть, что Марк начал писать. Вверху чистого листа стояло моё имя.

Алина Ветрова.

На лестнице посмотрела на бирку ключа. «Доступ ограничен». Раньше такой надписи хватило бы, чтобы я прошла мимо двери. Теперь положила ключ в застёгнутый карман: в архиве могло оказаться что-то, чего боялись не я, а Дорны.

Глава 3

В репетиционном зале «Гелиоса» однокурсники стояли полукругом, и мне никак не удалось найти глазами место, куда можно отступить после сцены. Ева пахла Chanel No.5: с утра надушилась так, что я чувствовала это даже в двух шагах. Два ассистента ждали с блокнотами. Марк сел в первом ряду, положил ногу на ногу и смотрел на меня, пока я листала текст в поисках тридцать второй сцены.

— Сцена тридцать вторая, — мой голос прозвучал слишком тихо. Я прокашлялась, чувствуя, как ком в горле мешает дышать. — Героиня разбивает зеркало...

Ева, играющая роль служанки, подошла к столу реквизита. Прежде чем повернуться к реквизиту, она улыбнулась мне. От этой улыбки я уже ждала неприятностей. — Ой, Алиночка, ты забыла кубок? Тот самый, антикварный, из коллекции декана? — она поправила прядь волос, делая вид, что заботится о сохранности имущества. — Давай, бери. Не бойся, он не хрупкий.

На столе вместо матового пластикового муляжа стоял стеклянный кубок. Вода качнулась, когда Ева убрала от него руку. Я посмотрела на тонкий край: это же настоящее стекло. В сцене его надо бросать. Спросить о подмене при Марке означало снова услышать, что я срываю репетицию, но брать такой реквизит было страшно. Ева заметила, что я медлю, и потянулась поправить прядь ещё раз.

Марк поднял одну бровь. Его взгляд скользнул по моему лицу, оценивая мою заминку. — Время не ждет, Ветрова. Твой герой должен действовать решительно, а не дрожать, как девчонка перед первым свиданием. Или твоя пьеса написана для трусов?

Появилась знакомая паника: сейчас решат, что я не способна сыграть даже собственную героиню. Взяла кубок и сразу пожалела. Для привычного взмаха он оказался слишком тяжелым, ладонь скользила по гладкому боку. Хотелось поставить его обратно, но Марк уже ждал начала.

— Начинаем, — скомандовала я, поворачиваясь к партнерше.

На верхних нотах голос срывался. Руки вспотели в перчатках; кубок приходилось перехватывать. Ева отвечала чуть раньше моей паузы, и я всё время догоняла её реплики. Марк вклинивался: «Дикция», «Пауза лишняя», «Ты не веришь в себя». Нужно было слушать партнершу, а я считала его замечания и боялась пропустить следующее. Вода дрожала у самого края стекла.

Подошла реплика перед броском. Подняла кубок; в предплечье больно свело мышцу, и рука на секунду задержалась над столом. Ева отступила, будто освобождала мне место. Её локоть сдвинул стопку книг. Верхний том сорвался на моё запястье. Я дернулась, и стекло ударилось о металлическую кромку стола.

Книги она задела как будто нечаянно. Но, отступая, успела посмотреть мне прямо в глаза — и улыбнуться. Потом кубок треснул.

Я отшатнулась от треска, а вода уже лилась по рубашке. В мокром холоде не сразу почувствовала порезы: сперва щипало плечо, потом ладонь. Крупный осколок скользнул вниз по рукаву. На белый воротник капнула кровь, и я зачем-то попробовала смахнуть её целой рукой. Только размазала.

Кто-то рядом втянул воздух. Ассистент смотрел на мои пальцы, забыв про записи. Я ожидала, что он велит принести аптечку, но первой заговорила Ева.

— Ай! — вскрикнула Ева. Прикрыла рот ладонью, словно сама только что порезалась. — Ал! Ты почему так резко дернула рукой?! Я же предупреждала, что стол шатается! Ты совсем не следишь за окружением!

Ева всхлипывала в платок. Я стояла рядом и видела: у неё даже руки сухие, ни одной царапины. — Господи, это же антиквариат! Декан убьёт нас всех! Алина, ты зачем взяла этот кубок? Он же был специально изолирован!

Шепотки пробежали по залу. — Идиотка. — Опять всё портит. — Стипендиатка, а ведет себя как варвар.

Кровь капала с ладони на пол. Я боялась шевельнуться среди осколков и ещё сильнее — ответить на эти шепотки. Подмена кубка, книга, Евина улыбка: мне предстояло объяснить всё сразу, пока она плакала в чистый платок. За ней готовы были повторять. За мной — пока никто.

Марк поднялся с первого ряда. Я проследила за ним до самого края разбитого стекла. Он остановился, глядя на плечо, и на секунду показалось, что хотя бы сейчас скажет Еве замолчать.

Когда Марк протянул руку, я отдернулась. Он придержал рукав и снял осколок, зацепившийся за ткань. Рубашка потянула кожу у пореза; я вздрогнула и сильнее сжала зубы. На воротнике выступило ещё одно пятно. Его пальцы двигались осторожно — именно это и сбивало: они могли быть такими, а пять минут назад он продолжал требовать решительности.

— Ты слишком мягкая для этого зала, — прошептал Марк, наклонившись так близко, что я почувствовала запах табака и мяты. Его губы едва касались моего уха. — Кровь здесь пахнет слабостью. Если ты не можешь держать оружие, научись держать язык за зубами. Или уходи.

Он отпустил рукав и пошёл к выходу. Мне хотелось крикнуть ему вслед: ты видел, кто поставил сюда этот кубок? Но пришлось сначала прижать ладонь к плечу, чтобы кровь не текла под рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.